

АЛЕКСЕЙ КОНДРАТЕНКО

«НАША ОБЯЗАННОСТЬ ПЕРЕД РОДИНОЙ – БЕРЕЧЬ ЕЁ КУЛЬТУРУ»

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА ВГУ А.М. ПУТИНЦЕВА

Жизнь Алексея Михайловича Путинцева на протяжении нескольких десятилетий было предано забвению, как и многие имена людей 1930-х годов, неугодных большевистскому режиму. А ведь именно такие талантливые труженики стояли у истоков формирования в провинции высшей школы, музейного дела, профессионального литературоведения. Профессор Воронежского университета и Орловского педагогического института, создатель Никитинского музея в Воронеже и первый исследователь библиотеки И.С. Тургенева, человек трагической судьбы, Алексей Путинцев заслуживает подробного рассказа о нем.

Алексей Михайлович Путинцев родился 10 января 1880 года в селе Старая Хворостань Коротоякского уезда Воронежской губернии в семье потомственных священнослужителей. У Алексея были младший брат Иван и три сестры. Профессия передавалась по наследству: в последующем Иван Михайлович стал священником, одна из сестер вышла замуж за священника (две другие остались незамужними).

Алексей Михайлович закончил Воронежское духовное училище, а в 1901 году – Воронежскую духовную семинарию. Но в выборе профессии он отошел от семейных традиций, так как с юношеских лет внутренне был погружен в свой особый мир, записывал народные сказки, стихи. Поэтому поступил на славяно-русское отделение историко-филологического факультета Юрьевского университета. В студенческие годы продолжал жить интересом к поэзии, фольклору, этнографии, занимался литературоведческой работой. За три последних года учёбы (1904–1906) опубликовал 31 статью – в изданиях Воронежа, Казани, Юрьева, Вильно. Большая их часть была посвящена творчеству, переписке, изанию трудов И.С. Никитина.

После университета началась работа Путинцева в гимназиях и реальных училищах. Вначале в Новочеркасске, затем в Казани, Царицыне, Самаре, Камышине. В Новочеркасске Алексей Михайлович познакомился с преподавательницей иностранных языков Марией Михайловной Борейша, выпускницей Московского института благородных девиц. Они поженились, в 1909 году в Казани у них родилась дочь Мария.

Алексей Михайлович публиковался в Воронеже, Санкт-Петербурге, Казани, Ярославле, Киеве (журналы «Филологические записки», «Русский филологический вестник», «Вестник образования и воспитания» и др.). Назовем некоторые темы его работ: заметки об образцах русской литературы (от Крылова до Толстого), о Рылееве, Гоголе, Тургеневе, Ершове, Бальмонте, народных обычаях, об истории русской словесности. Был автором методических работ по литературе, соавтором хрестоматии по теории словесности для гимназий и реальных училищ.

В 1918 году семья Путинцевых переезжает в Воронеж, Алексей Михайлович поступает работать в только что открытый Воронежский университет – по сути, это было возвращение в родные пенаты Юрьевского университета, куда бывший студент спустя всего 12 лет пришел уже маститым ученым. В мае 1921 года Алексей Михайлович защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «И.С. Никитин. Его жизнь, личность и творчество». Работал сотрудником кафедры русской литературы литературно-лингвистического отделения вначале филологического, позже – педагогического факультета (штатный преподаватель, доцент, профессор).

Именно университетская кафедра оказалась наиболее верным местом для всестороннего рас-

крытия уникальных, недюжинных способностей этого человека. Да и только ли его? Алексей Михайлович многому учился у своего старшего коллеги Сергея Николаевича Введенского (1867–1940), выпускника Московской духовной академии, доцента кафедры истории ВГУ (с 1919 года), заведующего университетской библиотекой и основателя Воронежского краеведческого общества (1924). Богатейшее наследие как пример для подражания Путинцеву оставил и Степан Егорович Зверев (1860–1920), священнослужитель и педагог, инициатор создания губернского музея (1894), один из организаторов тематических музейных выставок, посвященных Е.А. Болховитинову, А.В. Кольцову, И.С. Никитину, Н.И. Костомарову (1910–1911). Примечательно, что после основания университета в Воронеже ряд его профессоров – И.И. Лаппо, Е.В. Петухов, Э.Р. Фельзберг – возглавили отделы губернского музея (1919).

Это были те времена, когда университетская наука, краеведение, музейное дело еще не отделились друг от друга в силу разных (в том числе бюрократических) причин, когда талантливый исследователь, имея большой потенциал и опыт, мог с равной отдачей работать и на педагогическом поприще, и в музее, смело выдвигая интереснейшие фондовые и экспозиционные концепции, определяя стратегические направления поисковой и собирательской работы, продолжая учить и просвещать, – но теперь уже не только в студенческой аудитории, но и в стенах музея.

Видя, как в сельской местности стремительно разрушаются традиционные обряды, Путинцев организовал несколько фольклорных экспедиций (заметим, что подобные краеведческие походы по воронежской глубинке проводил и С.Е. Зверев). В начале 1920-х годов Путинцев с болью писал: «Наша обязанность перед Родиной – беречь ее культуру, и мы должны в этом отношении делать, по крайней мере, то, что в силах – сохранять для будущего умирающие произведения народного искусства» (Путинцев А. Из этнографических впечатлений и наблюдений (Коротоякский уезд Воронежской губернии) // Воронежский историко-архивный вестник. 1921. № 2, вып. 2. С. 21).

Алексей Михайлович Путинцев.
1921 год

Под руководством Путинцева участники экспедиций записывали песни, сказки, исторические предания, свадебные обряды. В 1925 году вышел в свет составленный им сборник «Воронежская литературная беседа. Материалы и исследования по истории литературы и театра».

Вполне логично, что итогом большой и многоплановой работы Алексея Михайловича стало создание в 1924 году музея литературы Воронежского края имени И.С. Никитина. В 1924–1930 годах Алексей Михайлович работал заведующим музеем, но не оставлял своего увлечения фольклором, готовил монографию «Южно-великорусская частушка», где предлагал напечатать пять тысяч ча-

стушек (три тысячи прислали ему корреспонденты, а две тысячи собрал он сам).

Объединение нескольких среднерусских губерний в единую Центрально-Черноземную область (1928) придало Путинцеву энергии. Он мечтал собрать вместе разрозненные силы историков литературы: уже в 1929 году вышла из печати его книга «Краевая художественная литература (собирание, изучение, экспозиция)». В качестве приложения к книге были помещены «Программа для собирания материалов по литературной деятельности в местном крае», «Краткое наставление о собирании произведений устной словесности», анкета для писателя, краткая инструкция по ведению литературного архива и справочной библиотеки, советы по составлению «хронологической канвы» и «синхронистической таблицы», по подготовке и проведению литературных экскурсий, а также предложения по созданию литературного краевого музея (его задачи, состав, экспозиция, каталог, описание коллекций). В этой же книге Путинцев высказал идею составить единый литературный библиографический словарь ЦЧО.

Наступил 1930-й год. Весной дочь Мария Алексеевна закончила филологическое отделение Воронежского университета и уехала преподавать в Козлов (ныне Мичуринск). Там она познакомилась с учителем физики и математики Павлом Алексеевичем Черенковым, тоже выпускником ВГУ. Молодые педагоги приняли решение вступить в брак. Павел Алексеевич до осени успел побывать в Воронеже

А.М. Путинцев с женой Марией Михайловной и дочерью Марусей. 1909 год

А.М. Путинцев с женой и дочерью. 1930 год

и познакомиться с родителями невесты. Именно успел – 5 ноября Алексей Михайлович был арестован по так называемому «делу краеведов» (подробнее см.: Акиньшин А.Н. Трагедия краеведов (по следам архива КГБ) // Русская провинция. Воронеж, 1992. Вып. 1. С. 208–235).

Его поместили во внутреннюю тюрьму ОГПУ на улице Дзержинского в Воронеже. Так случилось, что сокамерниками Путинцева оказались Сергей Николаевич Введенский и молодой воронежский художник (он работал в редакции газеты «Коммуна») Владимир Кораблинов. Чтобы отвлечь своего собрата по несчастью от мрачных мыслей, уже умудренные жизнью Путинцев и Введенский рассказывали ему занимательные литературные истории. Особенно запомнился Кораблинову рассказ профессора Путинцева о жизни Алексея Кольцова. Именно там, в тюремной камере, у Кораблина появилась задумка написать роман о Кольцове (ее он осуществит уже после войны – роман «Жизнь Кольцова» выйдет несколькими изданиями в Москве и Воронеже)…

Можно только предположить, насколько сильный удар был нанесен в 1930 году по исследовательской работе Путинцева. Сегодня, спустя десятилетия, мы видим, что после ареста исчезли следы ряда работ профессора. Например, была утрачена рукопись неопубликованной монографии «Южно-великорусская частушка». Возможно, именно частушки следователи ОГПУ стремились сделать доказательством того, что Путинцев входил в состав мифического Центрально-Черноземного филиала «Всероссийского союза борьбы за возрождение свободной России».

Жена Мария Михайловна обошла все возможные инстанции, пытаясь защитить Алексея Михайловича, за которым не было никакой вины. В мае 1931 года начался суд. Обвинялся 91 человек. Одного оправдали, пятерых приговорили к расстрелу, остальные были отправлены в лагеря и ссылки на срок от трех до десяти лет. Путинцеву дали пять лет – их предстояло отбыть сначала на Соловках, а затем в лагере под названием Вороний порог, недалеко от Ленинграда.

К маю 1931 года Мария Алексеевна и Павел Алексеевич были уже женаты, вчерашний провинциальный учитель поступил в аспирантуру Академии наук СССР в Ленинграде. Чета Черенковых нашла приют в общежитии, после суда к ним приехала на житье Мария Михайловна. По воспоминаниям родных, она с дочерью ездила к Алексею Михайловичу в лагерь. Привезли ему в числе других вещей единственное теплое пальто Павла Черенкова и том произведений Пушкина, избранное. Время было голодное, продукты выдавали по карточкам. Друзья делились с будущим лауреатом Нобелевской премии Черенковым хлебной карточкой – полученный на нее хлеб сушили, и сухари отправляли в лагерь. Освободили Алексея Михайловича досрочно, в 1932 году, но здоровье в лагере заметно пошатнулось.

После освобождения Алексей Михайлович и Мария Михайловна пытались найти приют в разных городах, местом пристанища стал Орел, имевший тогда статус районного центра ЦЧО. С жильем в провинциальном городе было очень трудно. Как вспоминала Мария Михайловна, одни давние зна-

А.М. Путинцев с сотрудниками Дома-музея
И.С. Никитина. 1925 год

Дом в Орле, где жил А.М. Путинцев.
Современное фото

комые даже не пустили их к себе на постой. Боялись, потому что у Алексея Михайловича была судимость. Некоторое время Путинцевы жили у каких-то хозяев за печкой. Вероятно, поначалу квартировали в доме № 68 по улице Правый берег реки Оки (этот адрес Путинцев привел в письме в редакцию «Литературного наследства» в декабре 1932 года, о чем сообщила в одной из публикаций научный сотрудник музея И.С. Тургенева в Орле Г.Н. Павлова). Драматичной была ситуация и с хлебом насущным. К примеру, в мае 1932 года бюро Орловского горкома ВКП(б) в одночасье приняло решение «снять со снабжения хлебом» почти 20 тысяч человек (т.е. каждого пятого жителя города)... На что мог рассчитывать в такие дни бывший политзаключенный?

В одном из петербургских архивов сохранилось письмо Путинцева из Орла к его коллеге А.Г. Фомину. Приведем в этом очерке текст письма с незначительными сокращениями:

«Глубокоуважаемый Александр Григорьевич!

<...> С зимы 1932–33 г. я в Орле, сейчас работаю в Орлов[ском] педагог[ическом] институте, но при первой возможности перееду, по всей видимости, в Ленинград<...>

В течение своего пребывания в Орле без литературы занятий не сидел – занимался Белинским и Тургеневым. Работы мои появятся в «Литературном наследстве», «Звеньях» и друг[их] журналах. Кольцовым не занимаюсь, но интереса к нему не утратил. Поэтому убедительно прошу выслать мне <...> Вашего Кольцова в изд[ании] ГИЗ. Я уверен, что Вы справились со своей работой прекрасно

и понимаете, как для меня интересно увидеть Вашего Кольцова <...>

О Вашем Кольцове писать рецензию собираюсь <...>

Знаете ли вы, что 5 янв. скончался Л.К. Ильинский, один из моих близких друзей и товарищ по университету и службе в Казани? Как глубоко жаль его! Умер он преждевременно <...>

Уважающий Вас

А. Путинцев.

Адрес: г. Орел, ЦЧО, улица Зеленый ров, д. № 8. Алексею Михайловичу Путинцеву.

29/I-1934 г. Орел.» (Письмо А.М. Путинцева А.Г. Фомину. Публикация М.Д. Эльзона // «Я Руси сын!..» К 150-летию со дня рождения И.С. Никитина. Воронеж, 1974. С. 203).

Итак, известен путинцевский адрес в Орле... В один из октябряских дней 2009 года автор этих строк и фотожурналист Вячеслав Митрохин побывали на улице Зеленый ров. Дом под номером 8 сохранился до нашего времени, однако его хозяйка не могла ничего сказать о Путинцевых – Зоя Михайловна Терехова переехала здесь с мужем в 1974 году. До недавнего времени (умерла в начале 2000-х годов) была жива 90-летняя соседка Анна Малофеевна Куньшина. Возможно, она еще помнила профессора. Но теперь уже не к кому обращаться за рассказом о событиях начала 1930-х годов. Воспользуемся текстом воспоминаний краеведа Виктора Георгиевича Емельянова, чье детство прошло в Орле:

«1-ю Пушкинскую пересекал «Зеленый ров». Это в самом деле был не ров, а остатки глубокого когда-то оврага – «Студеный вершок», отделявшего

Посадскую слободу от Пушкарской. В мое время здесь еще была цела очень старая часовня (показана на плане Орла 1778 года). При мне она служила будкой для отпуска воды – в ней сидел человек, собиравший деньги. Весь ров был обсажен ракитами и был довольно уютным. Здесь улица (1-я Пушкарная. – А.К.) шла по каменному мостику. Сейчас же за этим мостиком в угловом двухэтажном доме находился детский приют. Их тогда много было в Орле. Следующим было двухэтажное каменное здание 5-й Советской Трудовой школы имени 3-го Коминтерна. Она считалась одной из лучших в Орле. Заведовал ею великолепный учитель математики Аким Никифорович Волков. Замечательная художественная детская самодеятельность. Два драмкружка. Каждую субботу спектакли или так называемый «дивертизмент». В моей памяти до сих пор хранятся отдельные сценки спектаклей, и выступают слезы, когда я слышу мелодию скрипки «Наступление зимы» (Воспоминания В.Г. Емельянова «Первая Пушкарная улица» // Архив автора.).

Довелось автору этих строк в августе 2011 года побывать у «дома Путинцева» и со старожилом Орла Ольгой Михайловной Михайловой. Она родилась в 1929 году совсем рядом – ее родной дом стоял метрах в тридцати. Дети по весне любили пускать по ручью в Зеленом рву бумажные кораблики. Вполне можно предположить, что она видела в один из таких весенних дней опального профессора... Ольга Михайловна рассказала мне о том, как в единственном на всю округу магазинчике занимали очередь за хлебом с раннего утра, а привозили его в фургоне на лошади только в четыре часа дня – покупали на развес, поскольку на большее у обитателей Пушкарной слободы просто не хватало денег. А еще рассказала о том, как обреченно молчали «бывшие» и те, кто оказался «на заметке» у органов, – видимо, так же и бывший лагерник Путинцев был в Орле 1930-х годов на положении человека без всяких прав...

И все же профессор, немало сменивший на своем веку городов, наверное, смог довольно быстро найти заветные уголки и в этой части Орла: возможно, захаживал в школы (начальная, первой ступени № 9, была прямо напротив его окон, а средняя № 5 – чуть поодаль) на самодеятельные спектакли, концерты. А, может быть, не раз останавливался во время прогулок и у дома Леонида Андреева на 2-й Пушкарной. И уж наверняка его ежедневный путь в музейную библиотеку и в пединститут пролегал по деревянному мостику через Орлик – он соединял берега реки как раз в том месте, где ныне расположена

железобетонный подвесной мост (в 1930-е годы мост опирался на деревянные сваи, по весне его разбирали на время ледохода).

Недавно открытый в Орле и сравнительно небольшой пединститут (всего несколько сотен студентов) располагался тогда в бывшей гимназии. Один из учеников Путинцева вспоминал многие годы спустя: «Курс русской литературы у нас читал старый (ему в то время было чуть за 50. – А.К.), известный в научных кругах профессор А.М. Путинцев <...> Студенты довольно зло остирили: «Вот если бы доблестные органы НКВД не были так бдительны, то мы и не услышали бы знаменитого профессора... Спасибо НКВД». Профессор Путинцев пользовался исключительным уважением и любовью студентов. Его научные концепции, его, часто далекая от марксистской, трактовка литературных явлений – всё это не могло не сказать благотворно на развитии студентов, на их образовании» (цит. по: «Свершилось. Пришли немцы!»: Идейный коллаборационизм в период Великой Отечественной войны. 2-е изд. М., 2014. С. 207).

Не менее благотворным было влияние университетского профессора и на музейную жизнь в Орле. Его знание предмета, прозорливость и умение выстроить план работы, вне всякого сомнения, вдохнули вторую жизнь в развитие Тургеневского мемориала в Орле, малочисленный коллектив которого в то время составляли вчерашние пролетарии, не имевшие профессиональной подготовки. Как подчеркивал О.Г. Ласунский, «Алексей Михайлович был по натуре человеком скромным и мягким. Он никогда не кичился своими учеными званиями, не стремился выглядеть непременно значительнее, чем был на самом деле <...> Предпочитал лихому кавалерийскому наскоку скрупулезную неторопливую работу» (Ласунский О. Путинцевская полка // Подъем. 1984. № 9. С. 118–121). Судя по вектору разысканий Путинцева в Тургеневской библиотеке, он прежде всего пытался вычленить библиотеку Белинского – в середине 1930-х годов она была «более актуальна». Получая мизерную зарплату, Путинцев трудился в музейной библиотеке в страшном холода: ломило спину, замерзали чернила.

Профессору удалось довести свой труд до логического завершения – он подготовил научное описание библиотеки Тургенева. Для одного из томов «Летописи Государственного литературного музея» Путинцев составил тщательно прокомментированное описание книг В.Г. Белинского на 325 машинописных страницах. По невыясненным пока причинам издание данного тома не состоялось, удалось

лишь напечатать большое сообщение «Библиотека В.Г. Белинского» в «Литературном наследстве» (1935. Т. 19–21). А еще на основании обнаруженных на личных книгах И.С. Тургенева пометок, надписей и автографов Путинцев написал более десятка статей для сборников «Звенья». Статьи были приняты к печати, но, увы, не напечатаны.

Приведем список неопубликованных трудов Путинцева.

Библиотека В.Г. Белинского.

В.Г. Белинский и Карл Маркс.

В.Г. Белинский как памфлетист.

Дополнения и поправки к «Летописи жизни Белинского».

Неизвестная статья В.Г. Белинского «Куда девалась поэзия» из эпохи увлечения его Шеллингом.

Библиотека И.С. Тургенева в селе Спасском-Лутовинове бывшего Мценского уезда Орловской губернии.

Опись книг библиотеки И.С. Тургенева (автографы, надписи и пометки).

К драматической деятельности И.С. Тургенева.

Философия и И.С. Тургенев.

Крепостной театр в усадьбе Тургеневых – Лутовиновых.

Из детских лет Тургенева.

Из мелких заметок об И.С. Тургеневе.

Дополнения и поправки к «Хронологической канве для биографии И.С. Тургенева» Н.М. Гуттюра.

Тургенев как атеист.

Об атеизме Тургенева.

Тургеневские юбилейные торжества в Орле (всего более 12,5 п.л., по данным О.Г. Ласунского).

Однако, несмотря на преграды, помешавшие Путинцеву донести до широких научных кругов результаты своих изысканий, его принципы изучения библиотеки Тургенева (изучать книги писателя «при обязательной связи с его чтениями, с привлечением к нему относящихся библиографических и историко-литературных данных, не только на основании обследуемой его личной библиотеки, но также и других источников, в ряде сочинений, писем его мемуаров о нем и проч.») стали основой работы исследователей уже нашего времени (Библиотека И.С. Тургенева. Каталог. Книги на рус. яз. Ч. I. Орел, 1994. С. 50).

Оторванный от родного Воронежа и Никитинского музея, Путинцев в Орле не забывал свои традиционные темы исследований: до наших дней сохранились тетрадки с карандашными набросками о Кольцове, которые были сделаны в 1934 году...

Из-за трудностей с устройством на житье и на работу Алексей Михайлович и Мария Михайловна все-таки были вынуждены уехать из Орла: сначала в Пермь (1936), затем в Тамбов... Здоровье Алексея Михайловича было слабым. 16 мая 1937 года в Тамбове он скончался от инсульта.

Имя замечательного энтузиаста литературоведения на протяжении нескольких десятилетий было предано забвению – даже официальная реабилитация проходивших по «делу краеведов» состоялась лишь в июле 1978 года. Не дожидаясь ее, первым молчание прервал О.Г. Ласунский – в 1969 году он издал небольшую, но весьма содержательную книгу об А.М. Путинцеве (см.: Ласунский О.Г. Путинцев – историк литературы, фольклорист и этнограф. Краткий очерк деятельности и библиография трудов. Воронеж, 1969. 68 с.). На выход книги с энтузиазмом откликнулся в «Орловской правде» Л.Н. Афонин, как и профессор 1930-х годов, тоже преподававший в Орловском пединституте и работавший в Тургеневском музее. Леонид Афонин писал в рецензии «Имя, открытое заново» (она была напечатана почему-то на последней странице газеты унизительно мелким шрифтом): «Прямо-таки поражает, как много успел сделать А.М. Путинцев, живя в нашем городе <...> Хочется надеяться, что статьи А.М. Путинцева, не попавшие в печать, будут, наконец, обнародованы, в том числе и те рукописи, что вот уже более 30 лет хранятся в Тургеневском музее. Тем самым орловские литературоведы исполнят свой долг перед памятью замечательного исследователя» (Орловская правда. 1970. 11 июля).

С тех пор прошло уже почти полвека, но рукописи Путинцева так и не напечатаны: современным исследователям пока не удалось обнаружить их в музейных фондах. Со временем неизвестные прежде пластины научного наследия профессора обязательно займут достойное место в отечественном литературоведении. Его бескорыстный труд исследователя, педагога, неутомимого музейщика всегда будет примером для тех, кто продолжит путь Алексея Михайловича Путинцева.